

ПОСЛЕДНЕЕ ПОДПОЛЬЕ

После VI съезда партии Женя Егорова, секретарь нашего Выборгского райкома, как-то вызвала меня и в присутствии Надежды Константиновны Крупской, с которой мы познакомились сразу же по приезде В. И. Ленина из эмиграции в Россию в апреле 1917 года, сказала, что моя квартира должна быть подготовлена как конспиративная для Владимира Ильича, что он вот-вот должен вернуться в Питер.

Передо мной ставилось одно условие — отправить своих детей из Петрограда. Я сказала, что для этого должна предварительно списаться с моими родителями, которые живут в Уфимской губернии, — единственно, куда я могу отправить детей. Так было и сделано. 27 августа мы проводили детей.

На следующий день после их отъезда Надежда Константиновна рано утром пришла ко мне, и мы вместе наметили комнату для Владимира Ильича. Я спросила, какие вещи надо поставить. Она ответила, что не нужно ничего лишнего — ковров и прочего: «Володя любит только тишину и чистоту». Я схематически набросала план квартиры, указала окна, куда они выходят. С этим чертежиком Надежда Константиновна и уехала в самом конце августа к Владимиру Ильичу.

Вернувшись от него, прямо с Финляндского вокзала Крупская пришла ко мне и сказала, что Владимир Ильич выбором комнаты остался доволен, но что он просит сделать ключи от квартиры и ключ от его комнаты и дает нам поручение продумать, с какой станции — с Удельной или с Ланской — правильнее ему приехать в Петроград.

— Мы с тобой проедем с Финляндского вокзала на Удельную, а оттуда пройдем пешком на квартиру и наметим ориентиры.

Через несколько дней после этого разговора мы так и сделали. Шли часа полтора, после чего записали подробно маршрут от Удельной до квартиры. Изготовленные ключи, шпиргалка с маршрутом и железнодорожное расписание были переданы Крупской. Надежда Константиновна сказала, чтобы теперь по вечерам я оставалась дома.

Прошло несколько дней... Никто не приходил. И вот в пятницу, 22 сентября¹, часов в восемь — начале девятого вечера, я услышала, что в квартиру вошли. Это были Ленин и Крупская.

Так началось последнее подполье Ильича. И я счастлива, что партия доверила мне быть хозяйкой последней конспиративной квартиры вождя революции.

Помню, как Надежда Константиновна представила:

— Ну, вот и Владимир Ильич.

Владимир Ильич направляется ко мне, смотрит мне прямо в глаза и говорит резко:

— А вот и совсем не так. Раз навсегда запомните, я не Ленин, а Константин Петрович Иванов, рабочий Сестрорецкого оружейного завода,— и при этом передает мне удостоверение и говорит: — Прочитайте и называйте меня Константин Петрович.

Когда зашел разговор о моих обязанностях, Владимир Ильич сказал, что самая первейшая и главнейшая из них — рано утром доставить все газеты, решительно все, подчеркнул он. Я отвечаю, что требование о доставке всех газет мне трудно будет выполнить, так как в нашем районе запрещена продажа буржуазных газет. Владимир Ильич встал из-за стола, начал ходить по комнате и говорит возмущенно:

— Какая нелепость! Мы воюем с врагом и врага должны изучать. Как же не читать его газет? Запомните, обязательно должны быть и «Речь», и «Биржевка», и другие буржуазные газеты: нашу вы можете не купить, но эти в обязательном порядке.

Далее Владимир Ильич сказал, что вторая моя обязанность — это осуществление связи. Все поручения я должна буду выполнять только через Выборгский комитет партии, через Надежду Константиновну и Женю Егорову.

Как-то после обеда Владимир Ильич предложил мне показать всю квартиру. Вошел в мою комнату, увидел балкон, спросил, закрываю ли я его на зиму. Затем поинтересовался, где проходит водосточная труба, и сказал, чтобы окно, у которого расположена труба, на зиму не закрывать. Он предложил мне вечером, когда стемнеет, пройти во двор и незаметно отколотить в заборе две доски как раз против водосточной трубы — от верхней слеги или от нижней, как будет сподручно. Я спросила Владимира Ильича, зачем это нужно.

— Как вы не понимаете, у вас нет второго выхода из квартиры,— ответил он.

— Неужели вы будете спускаться по трубе?

— Когда надо будет, спущусь и по трубе,— сказал Владимир Ильич.

В быту Владимир Ильич был исключительно скромным, нетребовательным, внимательным и аккуратным человеком. В первое

¹ Так в подлиннике. *Ред.*

воскресенье за завтраком он спросил меня, чем я топлю печь. Я ответила — дровами. Тогда Владимир Ильич сказал, что печь он будет топить сам, и попросил показать, как я это делаю. Увидев, что дверца с вьюшками расположена высоко, что для снятия вьюшек надо к печке приставлять лестницу, спросил, такое ли устройство в моей комнате. Я ответила, что такое же точно. Тогда Владимир Ильич сказал, что он будет открывать и закрывать вьюшки и в моей комнате. Спросил, где находятся дрова,— мол, он сам будет их приносить. Я разъяснила, что дрова находятся в тамбуре между дверьми, где постоянно ходят люди, поэтому ему выходить туда нельзя. Владимир Ильич согласился.

Надежда Константиновна правильно говорила, что Владимир Ильич любит чистоту,— в его комнате всегда был порядок, в кувшине он приносил воду для умывания, выносил ведро из-под умывальника, убирал постель, поэтому мои обязанности по уборке его комнаты были самыми минимальными.

В еде Владимир Ильич был очень неприхотлив. Но были кушанья, которые он любил. Ему очень нравились пельмени. Однажды я приготовила их на обед. Он очень жалел, что нет Надежды Константиновны: «Мы бы вспомнили с ней Шушенское». Рассказал о случае потери мешка с пельменями, когда они с Надеждой Константиновной должны были возвращаться из ссылки. Было заготовлено 400 пельменей, и мешок с ними забыли взять.

— До сих пор жалею,— сказал усмехаясь Владимир Ильич.

Владимир Ильич ежедневно давал мне поручения по связи. Бывали дни, когда я ходила в райком по два-три раза в день.

И вот наступил памятный на всю жизнь день 24 октября. За завтраком я сказала Владимиру Ильичу:

— У нас сегодня не все благополучно.

— А что?

— Не достала «Рабочий путь». Говорят, он сегодня совсем не вышел.

— Да? Не вышел? — Лицо нахмурилось, сразу появилась тревога: — Бегите скорей с запиской в комитет и ничего здесь не прибирайте...

Тревога не напрасна. Оказывается, в ночь на 24-е Керенский отдал приказ о закрытии наших газет. Пока узнали, утром часов в пять-шесть, юнкера нагрянули на нашу типографию, тираж за 24-е почти полностью уничтожили. Но потом красногвардейцы и солдаты по распоряжению ВРК отогнали юнкеров, возобновили печатание газеты. Из райкома я и принесла ответ и газету.

В номере была помещена статья Владимира Ильича «Новый обман крестьян эсерами»¹. Я еще второй раз пошла в комитет с поручением Владимира Ильича и часа в три узнала, что разве-

¹ Речь идет о статье В. И. Ленина «Новый обман крестьян партией эсеров» (Полн. собр. соч., т. 34, с. 428—433). *Ред.*

ден Николаевский мост. Немедленно выбежала на набережную, там юнкера на конях и женский «батальон смерти». Бросилась к трамваю — пробка: трамваи стоят. Добежала до Большого Сампсониевского моста. Он не разведен, но занят нашей Красной гвардией: красногвардейцы с красной повязкой на левой руке и с винтовками стояли в несколько рядов сплошной шеренгой во всю ширину моста и никого не пропускали, ни пешего, ни конного.

Прибежала домой поздно, часам к шести. Владимир Ильич уже ждал меня. Встретил в прихожей и задал вопрос: что творится на улице? Почему я так запоздала? Когда рассказала, он говорит:

— Не раздевайтесь, вы сейчас же пойдете с письмом.

Ушел к себе в комнату. Через некоторое время вынес письмо:

— Передайте только через Надежду Константиновну, домой без ответа не являйтесь.

Быстро пошла к Надежде Константиновне и принесла ответ. Владимир Ильич снова встретил меня в коридоре, здесь же прочитал записку и говорит:

— Не раздевайтесь, пойдете к Надежде Константиновне.

Я снова на Большом Сампсониевском, и опять Надежда Константиновна дает мне записку для Владимира Ильича. Я спросила, какой же ответ я несу.

— Да такой же, как и первый.

— А каков был первый?

Надежда Константиновна на ухо тихонько шепнула мне:

— Ему снова не разрешают выходить в Смольный!

Когда Владимир Ильич прочел второй ответ, он очень рассердился, смял записку, швырнул ее на пол и говорит:

— Я их не понимаю, чего они боятся? Ведь только позавчера Подвойский докладывал, что такая-то воинская часть целиком большевистская, что другая тоже... А сейчас вдруг ничего не стало. Спросите, есть ли у них сто верных солдат или сто красногвардейцев с винтовками, мне больше ничего не надо.

Я предлагаю Владимиру Ильичу пообедать, ведь для этого нужно всего 10—15 минут, а он подходит к столу, смотрит мне прямо в глаза и говорит:

— Даю вам слово, что не уйду не поевши,— и ушел в свою комнату. Быстро вернулся, передал мне записку и сказал:

— Жду вас до одиннадцати часов, а там я волен буду поступать так, как это мне нужно.

Пошла в пятый раз в этот день в районный комитет и рассказала там все подробно Надежде Константиновне. Она меня тихонько спросила:

— Как ты думаешь, можно ли его удержать?

Я ответила:

— По-моему, напрасно товарищи так делают. Думаю, что я его уже не застаю.

Времени на дорогу оставалось мало. Приехала домой без десяти одиннадцать и нашла на столе в своей чистой тарелке историческую записку: «Ушел туда, куда Вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания. Ильич».

Я не могла одна оставаться в квартире, выбежала на улицу. На двух трамваях добралась до Смольного. Он весь освещен, окна горят ярким светом. По своему удостоверению члена Петроградского Совета прошла в Смольный, в комнату фракции большевиков. Только вошла и слышу: «Ильич», «Ильич». Вижу фигуру Владимира Ильича, как он снимает шапку и вместе с нею, очевидно, парик. Здесь же стоит Эйно Рахья...

В дни Октября. Воспоминания участников Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Л., 1982, с. 172—178